

К ВОПРОСУ О ПОВСТАНЧЕСКО-ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В КРЫМУ В ПЕРИОД ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1918 ГОДА

TO THE REBEL AND PARTISAN MOVEMENT IN CRIMEA IN THE PERIOD OF GERMAN OCCUPATION IN 1918

A. Butovskiy

Summary. The article is devoted to the complex issue of the rebel-partisan movement in Crimea during the period of German occupation in 1918. Based on a thorough analysis of the sources, the author comes to the conclusion that thanks to the coordinated work of the Internal Guard and the German military police in the fight against the Bolshevik underground and the remnants of the Red Guard hiding in the forests, in Crimea until the fall of the government of General Maciej Sulkevich when there was established almost pre-revolutionary order. For five months of its existence, the government under the leadership of Maciej Sulkevich managed to carry out a number of political and economic measures that allow it to judge the achievement of certain goals and quite obvious positive results. This might be the only case in the era of Russian Troubles, when the local administration not only managed to create a quality device civilian police, but also to make it work effectively.

Keywords: The Civil War, Crimea, the German occupation, the government of Maciej Sulkevich, German military police, internal guards, rebel-partisan movement.

Бутовский Александр Юрьевич

*К.п.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
bytovskiyalex@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена сложной теме повстанческо-партизанского движения в Крыму в период германской оккупации 1918 года. На основе тщательного анализа источников, автор приходит к выводу, что благодаря слаженной работе Внутренней стражи и германской военной полиции по борьбе с большевистским подпольем и скрывающимися в лесах остатками отрядов Красной Гвардии, в Крыму вплоть до падения правительства генерала М. А. Сулькевича был установлен практически дореволюционный порядок. За пять месяцев своего существования правительство М. А. Сулькевича успело осуществить ряд политических и экономических мероприятий, позволяющих судить о достижении им определенных целей и вполне очевидных положительных результатов деятельности. Возможно, это единственный случай в эпохе Русской Смуты, когда местной администрации удалось не только создать качественный аппарат гражданской полиции, но и заставить его результативно работать.

Ключевые слова: Гражданская война, Крым, Германская оккупация, правительство М. А. Сулькевича, Германская военная полиция, Внутренняя стража, повстанческо-партизанское движение.

В эпоху гражданской войны в России, партизанская война была одним из самых действенных и распространенных форм борьбы противоборствующих сторон. Однако, до сих пор не было проведено ни одного серьезного исследования касающегося партизанского движения в Крыму в период Крымских краевых правительств. Ярким исключением является работа керченских исследователей грамотно и систематически исследующих историю партизанской борьбы в каменноломнях керченского полуострова в том числе и в период гражданской войны [1, с. 437–483; 18, с. 312–317; 19, с. 149–154]. И все это на фоне огромного пласта нескольких видов источников.

В первую очередь, нужно сказать о том, что главная основа любого партизанского движения в России — крестьяне, восстания поднимать не спешили и в партизаны не уходили. Это очень сильно отличало крымских крестьян и разнообразный сельскохозяйственный пролетариат, которого в Крыму было огромное множество от ситуации в материковых уездах Тавриды и на Украине. Причин этому несколько.

Безусловно, «черный передел» начавшийся в конце весны 1917 г. и отчасти узаконенный постановлениями СНК Республики Таврида и постановлениями местных Советов и Военно-Революционных комитетов. Организовано до 80 «совхозов» [2, с. 99–105], поставил власть и крестьянство Крыма в «интересное положение». Орудия труда и скот поделен, земля распахана и засеяна, имения в большинстве случаев заняты. Тем не менее, авторами приводится в общей сумме не более трех десятков эпизодов, но думается, что масштабы были довольно серьезные [24, с. 214, 222, 225; 25, с. 16, 26, 28, 35, 37, 38, 41, 43, 45, 52, 53]. В то же время Правительственным сообщением от 12/25 июня 1918 г. «О формировании Крымского Краевого Правительства и Декларации его», сообщалось о восстановлении права собственности в «полной мере» [20, с. 1–16], со всеми вытекающими последствиями. Далее декларация в общих чертах излагала свой взгляд на дальнейшие земельные реформы. «Удельные земли признаются государственной собственностью Крыма, за исключением личных имений бывшей Царской фамилии, следующих общим основаниям восстановленного права собственности. Безус-

ловному возврату подлежат все земли и все имущество граждан Крыма немецкой национальности, подвергшееся ликвидации во время военных действий против Германии и Австро-Венгрии. С этой целью организуется при Министерстве Юстиции Комиссия, действующая на основании особой инструкции» [20, с. 4]. Последняя было продолжением политики Временного Правительства, по восстановлению немецкого землевладения [12, с. 54–60]. Что, тоже вызывало определенные опасения, в связи с тем, что и часть этой земли успели поделить, распахать и засеять местные крестьяне.

Но, как ни странно, серьезных сельскохозяйственных беспорядков удалось избежать. В первую очередь это вероятно заслуга германских оккупационных войск, организовавших грамотную гарнизонную службу, заняв небольшими гарнизонами основные крупные населенные пункты и большинство крупных немецких колоний, гарнизоны которых часто доходили от взвода до роты пехоты. Так к 18-мая 53-й пеший полк Ландвера разместился: Штаб полка в монастыре Топлы. Штаб 1 батальона вместе с 1 пул. р. в Каразубазаре; 2 рота — Зуя, Розенталь, Нейзац, Фриденталь; 3 рота — Баксан; 4 рота — Мосарз и окрестности; Штаб 2 батальона и 6 рота — Кишлав; 5 рота и 2 пул. р. — Старый Крым; 7 рота — Николаевка; 8 рота — Бурунчак и Булганак; Штаб 3 батальона с 11 ротой и 3 пул. р. — Судак; 9 рота — Ускут и Суат; 10 рота — Кутлак; 12 рота — Капсихор [27, с. 77]. Фактически полк перекрыл дорогу Феодосия — Карасубазар и самый лесистый район Феодосийского уезда. Более того, здесь постоянно проводилась ротация войск и патрульная служба в сельской местности. Безусловно, изучение германских источников посвященных Крымской оккупации, существенно дополняет картину событий происходящих на полуострове летом-осенью 1918 г.

Создав жесткий оккупационный режим, германцы дали возможность Крымскому краевому правительству М. А. Сулькевича создать собственную полицейскую администрацию. Уже в течение мая, восстановленные городские и земские самоуправления начали формирование городских и уездных органов милиции за счет кадров милиции Временного правительства и дружин самообороны профсоюзов и квартальных комитетов. 12(25) июня 1918 года, т.е. с момента создания правительства, должность «заступающего место товарища Министра внутренних дел и управляющего МВД» вступил Князь Горчаков Сергей Васильевич, профессиональный бюрократ, бывший Самарский вице-губернатор (03.02.1914–16.06.1916), сразу начавший подбор кадров для создания в Крыму сильной и ответственной полицейской администрации. В многочисленных делах архива МВД, сохранились сотни прошений офицеров и чиновников с просьбой о принятии на службу. Среди несколько сотен армейских, морских и полицейских штаб-офицеров,

живущих впроголодь и перебивающихся случайными заработками, лишь немногие из них смогли устроиться сторожами, рядовыми милиций и самообороны Городских управ, а часто и грузчиками. То есть имелся самый широкий выбор профессионалов. На службу, в связи с малым числом вакансий, удалось вступить лишь немногим. Среди них 4 июля (21 июня) заявление с просьбой принять на службу, от профессионального полицейского, генерал-майора Отдельного корпуса жандармов Дмитрия Николаевича Петрова (в корпусе с 20.03.1892) более 9 лет служившего в должности начальника Варшавского жандармского полицейского управления, крайне беспокойного Привисленского края [8, л. 1]. Через три, без малого, недели 24 июля Дмитрий Николаевич прикомандировывается к МВД, а к 26.07. уже занимает должность Инспектора Полиции МВД [10, л. 45], фактически явившись исполнителем планов Сулькевича и Горчакова и реформировании общегражданской полиции. Постановлением Совмина Крымского Краевого Правительства от 15 июля 1918 года Городская и уездная милиция перешли в ведение МВД и переименованы в полицию с отнесением расходов на нее на его счет [7, л. 2]. Формируемая в городах и уездах Внутренняя стража (в некоторых районах именовалась полицией), представляла из себя почти полную копию дореволюционной полицейской системы. В подчинении принявшего должность Начальника Командующего Внутренней стражи генерал-майора Петрова, в начале августа (н.с.) находились пять начальников и два начальника округов Внутренней стражи. Округа и уезды разделялись в сельской местности на отделы, вероятнее всего совпадающие с дореволюционными станами уездной и участками городской полиции. Городская Внутренняя стража почти повсеместно именовалась полицией. Не подлежит сомнению Петров Д. М. и работающие с ним офицеры довольно тонко понимали (для Русской смуты нормально работающие органы правопорядка явление редкое) и не бездумно восстанавливали старый русский полицейский аппарат в Крыму. Во главе уездов становятся в основном кадровые армейские офицеры, в большинстве своем лично знакомые генерал-лейтенанту Сулькевичу, их помощники сплошь и рядом профессиональные полицейские, многие из северных уездов Таврической губернии, не пожелавшие служить в «Державной Варте Украинской державы» [26]. Рядовой же состав формировался как из старослужащих полицейских, так из людей, проявивших себя на в милиции Временного правительства, городских и сельских дружинах самообороны и самообороны. Так же ряд подразделений «народной милиции» и дружин самообороны и самообороны были сохранены (Симферополь, Ялта, Феодосия) и существовали непрерывно, пережив ряд сокращений до конца апреля 1919 [6, лл. 3–5, 11–13, 35–39, 47]. Полностью в состав Внутренней стражи вошли подразделения «судебно-уголовной милиции Временного правительства, вос-

становленные постановлениями городских управ еще до середины мая 1918 года. Штат окружных и уездных управлений и управлений городских полиций определялся в 1162 человек [15, с. 231].

Кроме чисто гражданской полиции в распоряжении МВД находился т.н. «Крымский Краевой Резерв», одно из подразделений которого, укомплектованное казанскими татарами, и расквартированное в Симферополе в д. Чирахова по Кладбищенской улице (ныне ул. Крылова) имели на вооружении несколько полевых орудий [13, с. 23].

Огромный и интереснейший пласт истории составят для исследователя подчас сложные и запутанные взаимоотношения сыскных органов Внутренней стражи и германской военной полиции по борьбе с большевистским подпольем и скрывающихся в лесах остатками отрядов Красной Гвардии. Благодаря их слаженной работе до падения правительства генерала Сулькевича в Крыму был установлен практически дореволюционный порядок. Ни о каких партизанах и слышно не было, а оставленное большевиками подполье снизило свою активность до минимума, так что еще более полутора месяцев после отставки Матвея Александровича и резкого сокращения штатов полиции, революционеры сидели, практически ничем себя не проявляя, хотя с ноября 1918 их уже никто не ловил. Об образцовом порядке и Крыму, и о заслугах в этом не только немцев, но и местной полиции писали в своих мемуарах и большевики [5] и так же враги режима, такие как князь Оболенский В. А. Последний отличался тем, что в воспоминаниях всячески очерняет режим Сулькевича, передергивая факты, подчас опускаясь до откровенной лжи (оговариваясь «говорили», «ходили слухи») и явно выдумывая диалоги [17].

С другой стороны 30 июня (12 июля) Краевой Совмин на основании уже заявленных в Декларации своих планов, образовать Особую комиссию по приданию суду лиц, обвиняемых в совершении преступлений против личности и собственности в период с 25.10. 1917 г. по 12(25).07.1918 г. В состав комиссии должны были войти назначенный: правительством председатель, судебный следователь от Министерства Юстиции и представитель земской управы. Срок действия комиссии был назначен до создания в Крыму Судебной палаты и обвинительной камеры при ней [20, с. 14]. В Юрисдикцию этой комиссии и попадали в основном дела по захвату собственности. 24 сентября (6 октября) 1918 г. Особая комиссия была упразднена, а ее дела начали передаваться в ведение особого присутствия Симферопольского Окружного суда и частью в Крымского краевого военно-окружного суда [21, с. 188]. То есть часть этих дел осела в ГАРК Ф. 376., и исследователи, по нашему мнению, не очень пока ими интересуются. Однако пока

велись следственные мероприятия и дела передавались из одной инстанции в другую, урожай 1918 г., был собран и поделен между теми, кто пахал, сеял и собирал урожай.

Еще одной причиной установления порядка в Крыму было адекватное и сознательное поведение, как полицейской администрации, так и землевладельцев. Хозяева не приезжали с карательными отрядами отбирать свое имущество, а старались решить этот вопрос законными методами, причем при проявлении особого упорства сельскохозяйственных коммун, захвативших имущество и не желавших выселяться из имений, полицейские чиновники или старались договориться, через систему волостных земств и сельских сходов, или тянули время до конца сбора урожая [3, с. 48–49; 14, с. 58–64].

Большинство проблем возникало, при попытках особо огорченных помещиков, завянуть размер скопщины, или хотя бы вывести его на уровень до февраля 1917 г. В результате этого всеми без исключения источниками приводится две группы эпизодов. Все они связаны с системой арендной платы именуемой в России «половничество», а в малороссийских и новороссийских губерниях «скопщина». Суть состоит в том, что съемщик нанимает землю не за деньги, а за долю продукта, выплачиваемую натурой. Обычно до 1917 г. скопщина достигала 1/2–1/3 валового продукта [11, с. 426–438]. 30.05. (12.06.) 1918 г. жители д. Ивановка и Михайловка Евпаторийского уезда, на сходах обсуждали вопрос о скопщине. При этом они согласились дать помещикам 2 копны с 10 копен. Германская комендатура уговорила помещиков и управляющих во избежание сельскохозяйственных беспорядков не связываться и принять то, что дают. Второй инцидент произошел с жителями д. Гудановки, Чульгин, Павловка Джанкойского (б. Перекопского) уезда. Весь засеянный ими на помещичьих землях хлеб убрали и развезли по домам, не дав ни одной копны помещикам И. Раппу и Фуксу. Начальник милиции г. Армянск, лично выехал в Симферополь добившись встречи с генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем 13(26) июля, по всей видимости, описал произошедшее как восстание. Поэтому в Джанкойский уезд было отправлено от 50 до 60 всадников из состава «Кавказского (ингушского) отряда Полицейской стражи МВД. Окружив деревню, отряд согнал всех крестьян на сходку перед домом старосты, где были установлены скамьи и приготовлены лозы для порки. В стороне установили виселицу. По заранее подготовленному списку, крестьян подвергали экзекуции по 25–30 ударов, в том числе женщин. Такие расправы учинялись и в других деревнях». То есть в принципе никого не повесили, а виселица была установлена больше для устрашения. Да и порка фактически издевательская поролы не шомполами, а розгами, как школьников. Разобравшись в ситуации М. А. Сулькевич приказал немедленно уволить «неподходящих чинов милиции», в числе

их и начальника милиции, начальнику уезда выехать на место и с помощью пограничного офицера принять «законные меры» [16, с. 110; 4, с. 186; 9, л. 2, 3; 10, л. 11].

Были зафиксированы на полуострове еще несколько эпизодов, когда крестьяне, упорно отказывались возвращать захваченные под совхозы усадьбы. В д. Бешуй (имение Степанова), простое появление вооруженной внутренней стражи, заставило крестьян выполнить требование хозяина [4, с. 188]. Дело об имени Котур Сакской волости А. Н. Оберова, занятое сельскохозяйственной артелью (50 душ), долго уходило под сукно и чем вообще закончилось неизвестно [3, с. 48–49]. Однако, строго говоря, на этом и ограничиваются все известные из источников эпизоды, связанные с неповиновением властям.

Существенной проблемой оставалась порча урожаев зерновых и трав крестьянами, причем именно эта форма сопротивления возвращения земли законным владельцам приняла наиболее серьезный размах. Поэтому, 15 (28) июля 1918 года последовало Постановление Совета Министров о создании «Военно-полевых

судов по делам об умышленном повреждении и истреблении трав и урожая хлебов». Эти суды в данном случае были первой и последней инстанцией, так как Военно-окружной суд, который, по Российскому законодательству выступал в данном случае кассационной инстанцией, только начинал создаваться. Распустили военно-полевые суды решением Совета Министров 15(28) ноября 1918 г. [22, с. 305]. На современный момент, деятельность их вообще не изучена, но, по всей видимости, они сыграли свою роль, т.к. в источниках, факты сельскохозяйственных беспорядков в Крыму, более не фиксируются.

Таким образом, за пять месяцев своего существования правительство М. А. Сулькевича успело осуществить ряд политических и экономических мероприятий, позволяющих судить о достижении им определенных целей и вполне очевидных положительных результатов деятельности [15, с. 230]. По-видимому, это действительно единственный случай в эпохе Русской Смуты, когда местной администрации удалось не только создать качественный аппарат гражданской полиции, но и заставить его результативно работать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджимушкай: история поселка и каменоломен в воспоминаниях В. Я. Медведева / Подготовка текста, предисловие О. И. Демиденко, В. Ф. Санжаровца // Научный сборник Керченского заповедника / отв. за выпуск Н. Н. Симонова. Керчь, 2008. Вып. 2. С. 437–483.
2. Бородин С. В. Аграрные преобразования в Крыму в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) во время первого и второго установления советской власти (январь 1918 — июнь 1919 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». Симферополь, 2001. Т. 15 (53). № 1. С. 99–105.
3. Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы в 2 т. / Парт. архив Крымского обкома КП Украины. Гос. архив Крымской обл. Т. 2: Борьба трудящихся Крыма против иностранной военной интервенции и контрреволюции в годы гражданской войны. (Май 1918 г. — ноябрь 1920 г.) / Ред. коллегия: канд. ист. наук М. М. Максименко (отв. ред.) Симферополь: Крымиздат, 1961. 364 с.
4. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.) / Комис. по подгот. и проведению празднования 10-летия Окт. рев. при ЦИК Кр. АССР. Симферополь: Крымгосиздат, 1927. 336 с.
5. В борьбе за Советский Крым: Воспоминания старых большевиков / Отв. ред. В. Волков; Парт. архив Крымского обкома КП Украины. Симферополь: Крымиздат, 1958. 184 с.
6. ГАРК Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАРК Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 178.
8. ГАРК Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 180.
9. ГАРК Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 214.
10. ГАРК. Ф. Р-999. Оп. 2. Д. 1.
11. Карышев Н. Землепользование // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1894. Т. XII (Жилы — Земпах). С. 426–438.
12. Кащенко С. Г. Положение немецкого населения Крыма в годы первой мировой войны // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1994. № 7. С. 54–60.
13. Кручинин А. С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой Армии. История Неудачных попыток. М.: Библиотека Военной Были, 1999. 91 с.
14. Ледаков А. Н. Органы сельского самоуправления в Крыму в мае — ноябре 1918 г.: «неизвестная реформа» или «реставрация»? // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Курск, 2014. № 11. С. 58–64.
15. Линев К. К., Шарапа В. Ф. Крымское Краевое правительство С. Сулькевича // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1996. Вып. V. С. 226–234.
16. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма / Акад. наук СССР. Крымский филиал в 4 ч. Ч. 2: Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 годы) — Симферополь: Крымиздат, 1957. 303 с.
17. Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. Симферополь, 1994. № 1. С. 58–101; № 2. С. 1–28; № 4. С. 60–81.

18. Санжаровец В. Ф. Убийство Самойленко. Один из вопросов истории партизанского движения в истории Керчи в 1919 г. // Крымский Архив. 2001. № 7. С. 312–317.
19. Санжаровец В. Ф. К вопросу о связях керченских партизан с командованием Красной армии в Крыму весной 1919 года // В поисках утраченного единства. Симферополь, 2005. С. 149–154.
20. Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. Фонды КРКМ. Симферополь. 15 июля 1918. Отд. 1. № 1. Ст. 11.
21. Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. Фонды КРКМ. Симферополь. 1 ноября 1918. Отд. 1. № 8. Ст. 122.
22. Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. Фонды КРКМ. Симферополь. 31 декабря 1918. Отд. 1. № 12. Ст. 262.
23. Фонды Библиотеки Крымского Республиканского Краеведческого Музея Д. — 708 11978/364. Осн. С. 3.
24. Хроника революционных событий в Крыму за 1917–1918 гг. // Революция в Крыму. Историческая библиотека Истпарта О. К. Крыма / Истпарт, Отд. Крымского обл. ком. ВКП(б) по изуч. ист. Окт. рев. и ВКП(б). Симферополь: Крымиздат, 1927. Вып. 1/7. С. 189–286.
25. Хроника революционных событий в Крыму за 1917–1920 гг. / Парт. архив Крымского обкома КП Украины / составители Кондранов И. П., Широков В. А. и др. Симферополь: Крым, 1969. 190 с.
26. Южные ведомости: ежедневная газета Таврического союза журналистов и литераторов от 26 января 1919 г.
27. Das Landwehr — Infanterie — Regiment 53 im Weltkrieg. 1914–1918. Regimentsgeschichte berfabt an hand der Aften des Regiment von Otto Koch. [Kettwig] [u.a.], [Flotthmann], 1928. 93 s.

© Бутовский Александр Юрьевич (bytovskiyalex@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого